УПРАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ МЕЖСУБЪЕКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Кондов К.В.

аспирант кафедры теории и истории социологии, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (Украина), 04212, Украина, г. Киев, ул. Маршала Малиновского, д. 13-А, к. 32, , kostyakondov@yandex.ru

УДК 316.354:351/354
ББК 60.524.226

Цель. Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблематике социального контроля и тех специфических характеристик, которые приобретает данное явление в процессе развития современного информационного общества.

Методы. На основе системного подхода автор опирается в исследовании на методы описания, анализа, синтеза, оценки, моделирования и экстраполяции.

Научная новизна и результаты. В ходе исследования автором впервые даются систематизация, анализ и описание новых возможностей реализации социального контроля, которые возникают с развитием информационно-технической инфраструктуры, а также возрастающей роли информации и знаний в принятии управленческих решений.

Ключевые слова: социальный контроль, информационное общество, информация, знания, средства массовой информации.

SOCIAL CONTROL IN THE INFORMATIVE SOCIETY: NEW OPPRTUNITIES OF INER-SUBJECTIVE COOPERATION

Kondov K.V.

Post-graduate student of the theory and history of sociologu department, Kiev national university named after Taras Shevtchenko (Ukraine), r. 32, 13-A Marshal Malinovskiy str, Kiev, Ukraine, 04212, kostyakondov@yandex.ru

Purpose. The article is devoted to a topical issue of social control and those specific characteristics which are typical for that event in the process of development of modern informative society.

Methods. On the basis of a systematic approach the author uses such methods of research as description, analysis, synthesis, evaluation, modeling and extrapolation.

Scientific novelty and results. In the research the author is the first to introduce systematization, analysis and description of new possibilities of social control realization which appear together with development of informative-technical structure and rising role of information and knowledge in decision- making

Key words: social control, informative society, information, knowledge, mass media.

© Кондов К.В., 2014

Кондов К.В.

Социальный контроль как социологическое понятие, а так же как явление общественной жизни изучается во многих социологических концепциях и теориях как на макро (Э. Дюркгейм, К. Маркс, Т. Парсонс, Р. Дарендорф, Э. Тоффлер) так и на микроуровнях (Г. Тард, Ч. Кули, Э. Росс, Дж.Мид, Р. Ла Пъер). В мировой социологии понятие «социальный контроль» рассматривается как один из ключевых элементов осмысления социума в трудах западных социологов – В. Самнера, Р. Парка, Э. Берджесса, Р. Мертона. В социологической мысли отечественных украинских и российских исследователей изучение проблематики социального контроля раскрывается в работах Г. Андреевой, И. Антоновича, В. Бакирова, В. Климова, Е. Шороховой, Е. Якубы А. Ручки, Н. Бойко, Е. Злобиной, В. Смолькова, О. Яковлева, Г. Козырева, Я. Гилинского и др.

Вполне естественно, что эта тема стала одной из самых распространенных в социологии, поскольку изучение социального контроля тесно связано с теоретической дилеммой концептуального определения данного понятия, с одной стороны, как важнейшего теоретического инструмента отображения специфических процессуальных характеристик социальных взаимодействий, связанных с сохранением устойчивости, внутреннего единства, солидарности, поддержания деятельности индивидуальных, групповых, институциональных субъектов общественной жизни. С другой же стороны, по мнению некоторых исследователей, механизмы социального контроля в большей степени направлены на формирование специфических режимов доминирования и подчинения одних социальных групп другими. Исходя из данного противоречия, мы можем определить *актуальность* изучения данного понятия, которая основывается на необходимости концептуальной интерпретации гносеологического и функционального статуса понятия «социальный контроль» в рамках объективистских социологических теорий XX столетия и познавательными потребностями осуществления новой социологической концептуализации данного понятия в аспектах уточнения его сущностных характеристик, обусловленных характером современных социальных изменений.

Изучая предпосылки возникновения современных интерпретаций понятия «социальный контроль», важно отметить те специфические направления и тенденции, в рамках которых развивались представления про особенности функционального статуса данного понятия, раскрывался его познавательный потенциал. К таким направлениям, которые, в свою очередь, являются основой для современных исследований социальных явлений, относятся субъективистская теория социального действия М. Вебера, а также объективистские теории – социального порядка Э. Дюркгейма и конфликтная теория К. Маркса.

Раскрывая функциональное значение понятия «социальный контроль» в научных трудах Э. Дюркгейма, необходимо отметить работу «О разделении общественного труда» (1893). В данной работе автор, справедливо отмечая первенство происхождения общества по отношению к личности, актуализирует проблематику социального контроля, рассматривая его в конструктивном измерении как атрибутивный компонент процесса разделения труда – процесса, который является важнейшим онтологическим условием развития индивида, как автономно действующей, моральной личности: «Если бы не создавались другие связи, кроме тех, которые происходят от механической солидарности, человек не был бы достаточно сдержанным. Он бы не ощущал вокруг себя того позитивного давления общества, которое сдерживает его эгоизм и делает его моральным» [1, с. 372]. В таком измерении социальный контроль выступает формообразующим фактором моральных ценностей, благодаря которому индивид осознает свою зависимость от общества и который формирует силы, сдерживающие и ограничивающие его.

Э. Дюркгейм рассматривает феномен социального контроля как сложный интегративный компонент общества, направленный с помощью «реститутивного» права, которое формируется в результате разделения труда в сложных обществах с органической солидарностью, на восстановление справедливого состояния порядка. Реститутивне право, по мнению ученого, содержит коммерческий, административный, конституционный виды, задачей которых является «не столько выражение коллективных чувств, сколько организация регулярного и упорядоченного сосуществования дифференцированных индивидов» [1, с. 386] . В дальнейшей деятельности, в частности в работе «Социология. Ее предмет, метод, предназначение» (1895), автор, развивая свою мысль, определяет понятие «социальный контроль» через принудительное воздействие на индивидов социальных фактов – способов мышления, деятельности, образцов поведения, которые способны направлять на индивидов внешнее нормативно-правовое давление и имеют объективное, независимое от индивида существование [2, гл. 1]. Таким образом, обосновывая интегративную значимость социального контроля, именно из разделения труда автор определяет появление нормативных правил реститутивного права, которые дают начало регулирующему действию, противопоставляют определенные повторяющиеся способы действия, поскольку эти правила зависят от общих и постоянных условий общественной жизни. Так, известны способы воздействия интересов, убеждений, ценностей, благодаря повторению превращаются в привычки, из которых впоследствии формируются правила поведения, позволяют не толь-

ко контролировать взаимодействие между индивидами или индивидами и группами, но и координировать деятельность между общественными организациями.

Таким образом, реконструируя исследовательскую позицию Э. Дюркгейма, целесообразно сделать вывод, что социальный контроль – это атрибутивный фактор жизнедеятельности общества, который осуществляется благодаря нормативной стандартизации группового и индивидуального поведения через принудительное воздействие на индивидов продуктов коллективного сознания как определенной совокупности общих для членов общества интересов, убеждений, верований, чувств, стремлений и ценностей. Такое понимание Э. Дюркгейма функциональной специфики социального контроля, справедливо на наш взгляд, формирует концептуальные предпосылки рассмотрения социального контроля как основополагающего фактора социальной интеграции. Ведь именно благодаря коллективному сознанию и общим убеждением, общим верованиям и чувствам индивиды сближаются.

Если в социологии Э. Дюркгейма социальный контроль носит объективный характер и направлен на обеспечение социальной интеграции элементов общества, для достижения состояния социальной солидарности, равновесия и стабильности, то иные методологические принципы лежат в основе марксистской социологии. Так, классики немецкой социологической мысли К. Маркс и Ф. Энгельс представляли организацию социального порядка, который базируется на манипуляции и доминировании, противоречиях и столкновениях, является основой социальных изменений, которые происходят быстро и неупорядоченно в результате замещения одних классовых групп другими.

Не смотря на то, что в трудах К. Маркса исследование социального контроля как категории экономической теории отсутствует, отношения социального контроля, господства и принуждения являются одной из существенных характеристик производственных отношений капитализма. По мнению ученого, «та власть, которую каждый индивид осуществляет за деятельностью других или над общественными благами, реализуется им как владельцем меновых стоимостей, денег» [3, с.100].

Исходя из марксистской теории, социальный контроль в отношениях между людьми является важнейшей характеристикой капитализма и капитала, его специфической чертой, которая отличает данный тип производственных отношений от экономических систем, организованных на личной зависимости, основанной на применении принуждения: «Капитал является командной властью над трудом и его продуктами. Капиталист обладает властью не благодаря своим личным или человеческим свойствам, а лишь как собственник капитала» [4, с. 59] По мнению К. Маркса, осуществление социального контроля над производственным процессом является прерогативой владельцев капитала. В этом смысле капитал выступает властью над чужим трудом. В результате продажи своей рабочей силы «рабочий трудится не для себя, а для капиталиста и, следовательно, под властью капиталиста» [5, с. 342] . Таким образом, капитал является «принудительным отношением», которое «заставляет рабочий класс выполнять больше труда, чем того требует узкий круг его собственных жизненных потребностей» [5, с. 319].

Социальный контроль через капиталистическое выражение получает законченный вид, во-первых, во власти политических отношений, где государство представляет себя как «совокупный капиталист» и выступает «исполнительным комитетом буржуазии»: «Государство есть организованной совокупной властью имущих классов, землевладельцев и капиталистов, направленной против эксплуатируемых классов, крестьян и рабочих» [6, с. 376]. Во-вторых, в идеологической власти над обществом: «Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это означает, что тот класс, который представляет собой господствующую материальную силу общества, есть вместе с тем и его господствующая духовная сила. Класс, имеющий в своем распоряжении средства материального производства, владеет вместе с тем и средствами духовного производства, в силу этого мысли тех, у кого нет средств духовного производства, оказываются в общем подчиненными господствующему классу» [7, с. 45–46].

В отличие от теоретических взглядов К. Маркса и Э. Дюркгейма концепция социального контроля в теории М. Вебера приобретает особое значение в контексте развития субъективистского социологического направления. Исходя из общих принципов «методологического индивидуализма», автор придерживается принципиальной позиции, что такие масштабные социальные образования, как государство и общество «являются исключительно процессами и связями специфических действий отдельных людей и именно отдельные индивиды для нас выступают носителями осмысленно ориентированного действия» [8, с. 625].

Анализируя политическую сферу социальной жизни, М. Вебер тщательно осмысливает и обобщает содержательный аспект понятия «социальный контроль». Опираясь на разработанные системы мотиваций («традиционную», «эмоциональную», «ценностно-рациональную» и «целерациональную»), автор отмечает, что государственная власть, кроме принудительных и насильственных форм социального контроля, опирается главным образом на авторитет субъекта, то есть направляется внутренними мотивационными комплексами, в соответствии с формами социального

действия. Именно такие внутренние мотивационные факторы человеческого взаимодействия обусловливают типы легитимного господства, которые различаются между собой способами оправдания авторитета власти в глазах тех, кто ей подчиняется. К таким способам М. Вебер относит «авторитет «вечно вчерашнего» – традиционное господство, как его совершал патриарх старого типа; авторитет чрезвычайного личного дара, полное личное доверие вызванное наличием качеств лидера у человека; и господство в силу легальности, в силу веры в обязательность легальных постановлений» [8, с. 646].

Останавливаясь вкратце на субъективистском направлении анализа, мы все же склонны к изучению социального контроля в рамках объективистского направления, поскольку, на наш взгляд, современное общество имеет значительные средства влияния на поведение индивидов, которые проявляются на всех этапах социализации, начиная от ранних этапов первичного воспитания и продолжая отношениями трудовой деятельности. При этом, современными социологами (Э. Гидденс, Ф. Коркюф) справедливо отмечается стремление к преодолению теоретического противопоставления «субъективизм – объективизм», выраженного в развитии ряда постиндустриальных социологических теорий, на одной из которых – теории информационного общества – мы остановимся подробнее.

Современные тенденции общественного развития дают возможность многим авторам утверждать про формирование информационного типа общественных отношений, которые в своей основе базируются на возрастающем и доминирующем значении информации и знаний, а также сетевых технологиях, которые по новому определяют характер взаимодействий субъектов социальной реальности. Теоретические основы таких изменений мы можем найти во многих работах, в частности, у Д. Белла, который предвидел возрастание значения телекоммуникационных технологий в воспроизведении и модернизации общественных и экономических отношений. А. Турен в работе «Постиндустриальное общество» предположил, что с развитием информационных технологий социальное неравенство будет происходить между теми, кто контролирует информацию и другими группами: «Новый господствующий класс определяется наличием знания и необходимым уровнем образования» [9, с. 50]. Определяющей чертой информационного общества, по мнению М. Кастельса, есть сетевая логика его построения, которая базируется на введении и использовании новых видов информационно-коммуникативных технологий. Сетевое общество, согласно автору, «создано сетями производства, власти и опыта, из которых состоит культура виртуальности в глобальных потоках времени и пространства» [10, с. 39].

Подобным образом к изучению общественных отношений подходит американский социолог Э. Тоффлер, рассматривая возрастающее значение знаний и их доминирование над насилием и деньгами как устаревающими формами социального контроля. Исследуя отмеченные формы, которые, определяют сущность социального контроля на разных этапах исторического развития общества, именно они формируют средства достижения преимущества над субъектами социальных отношений и способы осуществления социального контроля над деятельностью людей. Сила, богатство и знания объединены в единую систему, взаимозаменяемы и в совокупности направлены на поддержание отношений доминирования одних групп над другими: «Каждый из этих факторов и все вместе, могут использоваться на любом уровне социальной жизни – как в бытовых отношениях, так и на политической арене» [11, с. 13].

Перечисленные факторы имеют свою специфику. Сила, а также угроза ее применения способны лишь на грубое принуждение, при этом функционально ограничены, лишены гибкости и свойственны власти низкого уровня. Власть среднего качества основана на богатстве и предполагает как отрицательные, так и положительные средства стимулирования. Наибольшая эффективность предоставляется власти знания, которая позволяет «достичь установленной цели, минимально расходуя ресурсы власти; убедить людей в их личной заинтересованности в данной цели; превратить противников в союзников» [11, с. 16]. При этом знания являются важнейшим интегративным элементом индивида и общества, которое выступая результатом усвоения объективно существующей информации, позволяет людям формировать новые знания; распространять информацию, в тоже время, используя ее снова и снова; владея знаниями заниматься предпринимательской и управленческой деятельностью.

Рассматривая некоторые возможности управления поведением, которые предоставляются информацией, как объективной и знаниями как субъективной составляющими социального контроля, необходимо отметить, что важным фактором формирования и распространения ценностно-нормативных образцов, а также формирования запаса знаний, являются современные средства массовой коммуникации, которые выступают источником информационного взаимодействия и основываются на использовании новейших информационно-технологических достижений цивилизации. Сегодня новые возможности «сетевого» общества, связанные с развитием современных СМИ, Интернета, функционирующих в глобальном и высокотехнологическом мире, меняют образ жизни и специфику взаимоотношений людей. При этом осуществление власти, производство благ, создание куль-

турных кодов, формирование норм и ценностей становятся зависимыми от технологических возможностей общества с информационными технологиями в качестве их базисного основания. Происходит становление и развитие электронных сетей как динамичной, саморазвивающейся формы организации человеческой активности, трансформирующей как политическую, так и экономическую сферы общества.

В первом случае, по мнению исследовательницы Н. Бойко, можно выделить несколько основных тенденций, касающихся взаимодействия власти и гражданина:

Во-первых, возможность использования сетевых коммуникаций, в частности Интернета в качестве информационного ресурса. Информированность о власти является важнейшим звеном такого взаимодействия. Отсутствие информации и социального контроля в условиях закрытости каналов влияния на власть дает ей большую свободу действия, оставляя абсолютное большинство граждан за бортом, тогда как посредством Интернета реализуется возможность непосредственного доступа к официальным документам, отчетам различных политических, государственных структур, информирование об их деятельности, планах, бюджете, предоставляемых услугах.

Во-вторых, возможность прямого информационного влияния (давления) через компьютерные сети, проведение различных пропагандистских кампаний, функционирование информационных сайтов новостей, особенностью которых являются:

- высокая оперативность и упорядоченность информации;
- анонимность, которую способна обеспечивать сеть;
- возможность работы с различными целевыми группами (потребителями оперативного информационного ресурса);
- отсутствие какой-либо политической цензуры;
- возможность формирования информационного материала для любого социального субъекта, включая государственные органы, неправительственные, международные организации, а также отдельных индивидов.

Наконец, *в-третьих*, Интернет предоставляет возможность личностного, и компьютерного опосредованного общения с людьми, в том числе принимающими политические решения. Это Интернет приемные государственных, властных органов, различных политических партий, общественных организаций, реализация программы «Электронное правительство Украины» и т. п.

С другой стороны, контроль современных СМК и Интернет – это возможность эффективно влиять на индивидуальные сознания людей, обладающих определенными идеалами, ценностными установками. Причем Интернет способен подменять традиционные средства массовой коммуникации, выполняя функции информатора о происходящих событиях с большей оперативностью и пользующегося большим доверием, чем официальные информационные службы, которые проходят определенную цензуру. Хотя следует отметить, что это же условие обеспечивает Интернету возможности манипулирования сознанием граждан, политических авантюр, распространения слухов и неподтвержденной или заведомо ложной информации, не способной проникнуть в официальные СМИ.

Развитие коммуникативных технологий, научно-технический прогресс способствует не только изменениям в отношениях доминирования на уровне между государства и личности, но и оказывает существенное влияние на отношения в сфере трудовой деятельности, основной единицей которой является человек во взаимоотношениях с окружающей средой. В современных условиях, как фактор производства, социальный контроль над информацией и знаниями обладает свойствами, которые качественно отличают такой тип управления от других его форм.

В техническом и технологическом плане социальный контроль в информационном обществе раскрывается через освоение и понимание массового применения высокопроизводительных информационных технологий, которые выступают основой превращения информации в информационный ресурс, а также являются необходимым условием эффективного использования данного ресурса для поддержания стабильности и организации трудовой деятельности. Основу инфраструктуры социальных организаций в информационном обществе формирует информационная инфраструктура, под которой понимают совокупность средств и систем сбора, хранения, обработки, передачи и распространения информации. Освоение данных технологий позволяет выполнять управленческие функции, но для этого необходимо освоить ряд механизмов работы со специализированными знаниями. Так, к технологиям аккумуляции знаний относят распределенные базы знаний и информации, аккумулирующие знания по различным направлениям; библиотеки технологий, информации и знаний. К технологиям обработки знаний относят классические поисковые информационные системы; корпоративные информационные системы, ориентированные на создание и использование знаний; экспертно-аналитические, информационно-аналитические, расчетно-аналитические, проектно-конструкторские и другие системы, ориентированные на повышение масштабности использования информации в соответствии с потребностями современного производства. К технологиям распространения знаний относят Интернет сети,

использующие современные стандарты передачи данных (электронную почту, глобальную сеть Интернет, видеоконференции); систему дистанционного образования, которая представляет комплекс образовательных услуг, распространяемых с помощью специализированной информационной образовательной среды, базирующейся на средствах обмена информацией на расстоянии (спутниковое телевидение, компьютерная связь, радио).

Развитие данных технологий не только повышает качество организации производственной деятельности, но и обеспечивает формирование нового вида рабочей деятельности – дистанционной работы, которая реализуется с помощью телекоммуникационных средств, информационных технологий. При этом используются новые виды механизмов контроля, которые направлены как в отношении «человек → общество», так и в отношении «общество → человек».

В первом случае знания приобретают значение важнейшего ресурса социального контроля, поскольку позволяют современному работнику непосредственно участвовать в информационной деятельности предприятия, его конкурентоспособности, получать широкий доступ к информации, на основе которой появляются возможности принимать участие в новых организационных формах управления, принятия важных решений, разработок новых идей, влияния на политику компании.

Такие изменения в технологическом и ментальном базисе производственных отношений в информационном обществе не могут не сказываться на природе социального контроля, который применяется по отношению к работникам, с учетом возрастания их индивидуальных способностей и знаний. Современным интеллектуальным работникам присущ высокий уровень социальной мобильности, возможность определения принципиальных интересов в категориях интеллектуального развития. Эффективный контроль требует других качеств по сравнению с обществом индустриального типа. Управленческие решения в организациях, предусматривающих высокий уровень автономности своих подразделений, зависит: «Не столько от непосредственного давления на них ради качественного выполнения функций, заданных технологией производственного процесса, сколько от создания условий, в которых сотрудник обеспечивается информацией и возможностью ее обработки, а также способен ставить новые задачи и находить пути их решения» [12, с. 52]. Особого значения в плане обратного влияния, приобретает использование в различных сочетаниях кейс-технологий, базирующихся на применении текстовых и мультимедийных учебно-методических материалов, их распространении для самостоятельного изучения при организации консультаций дистанционным способом; телевизионных технологий, основанных на применении телевизионных систем для консультаций и обучения; сетевых технологий, для обеспечения интерактивного взаимодействия между субъектами производственной деятельности.

Кроме этого в условиях современных трудовых отношений приобретает значение ассоциированный тип деятельности, который имеет два важных преимущества. С одной стороны, он развивает творческую инициативу, стимулирует к нововведениям и позволяет переносить принятие ответственных решений на более низкий уровень организационной иерархии. При этом «необходимость привлечения коллектива в этот процесс диктуется не политической идеологией, а осознанием того факта, что система в ее нынешних структурных формах не может эффективно реагировать на быстрые изменения» [13, с. 122]. С другой стороны, небольшая мобильная группа открывает наилучшие возможности для межперсонального взаимодействия, в такой группе быстро формируются этические ценности и мотивационные ориентиры, которые разделяются всеми участниками; в результате моральное единство формирует основу для взаимного доверия. При этом творческая деятельность каждого осуществляется не на основе влияния большинства, а на базе внутреннего самоконтроля или внутренней согласованности ориентиров и стремлений.

Выводы. Сегодня можно говорить о происходящем смещении в механизмах социального контроля от использования экономических ресурсов к использованию власти знаний и информации, предполагающей возможность потенциального перемещения контроля от институтов к индивиду. Современные технологии воздействуют на нашу жизнь, цели и ценности, наш повседневный опыт, на наше ощущение себя в сообществе. Демонстрируя фундаментальные изменения, которые имеют место в связи с появлением новых технологий в понимании статуса индивида в обществе, можно отметить, что информация и знания как составляющие социального контроля предоставляет каждому прекрасную возможность контролировать те аспекты жизни, которые ранее контролировались исключительно властными институциями: правительством, корпорациями и СМИ. Таким образом, можно заметить, что «революция контроля» (в терминологии А. Шапиро) включает ряд различных аспектов и предполагает следующие возможности. Во-первых, возможность потенциального перемещения контроля от институтов к индивиду, что позволяет осуществлять обратную связь между субъектами социального взаимодействия. Исходя из этого, наблюдаются новые возможности объяснения процессов социальной мобильности, формирования новых стратификационных систем. Следует ожидать появления новых факторов

социального неравенства, поскольку те, кто имеют лучший доступ к информации, сетевым технологиям, лучше адаптированы к их условиям, получают преимущества перед остальными и имеют возможность создавать новые классовые структуры – «классы интеллектуалов», имеющих доступ к важнейшим экономическим ресурсам и принятию управленческих решений, а также возможности перехода в более выгодные социальные группы.

Литература:

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. 576 с.
2. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. 352 с.
3. Маркс К. Сочинения (2 издание). Т.46, Ч.1. М.: Издательство политической литературы, 1968. 560 с.
4. Маркс К. Сочинения (2 издание). Т.42. М.: Издательство политической литературы, 1974. 570 с.
5. Маркс К. Сочинения (2 издание). Т.23. М.: Издательство политической литературы, 1960. 920 с.
6. Маркс К. Избранные произведения в трех томах. Т.2. М.: Политиздат, 1979. 670 с.
7. Маркс К. Сочинения (2 издание). Т.3. М.: Издательство политической литературы, 1955. 650 с.
8. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
9. Touraine A. The Post-Industrial society. Tomorrow's social history: Classes, conflicts and culture in the programmed society. N.Y.: Random house, 1971. 244 p.
10. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ,2000. 608 с.
11. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: Знания, богатство и сила на пороге XXI века. М.: ИНИОН, 1991. 670 с.
12. Иноземцев В. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2000. 304 с.
13. Toffler A. The Adaptive Corporation. N.-Y.: McGraw-Hill, 1985. 217 p.

References:

1. Durkhem E. On division of public labor. Method of sociology. M.: Nauka, 1991. 576 p.
2. Durkhem E. Sociology. Its subject, method, mission. M.: Kanon, 1995. 352 p.
3. Marx K. Theses (2nd edition). V.46, P.1. M.: Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1968. 560 p.
4. Marx K. Theses (2nd edition). V.42, M.: Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1974. 570 p.
5. Marx K. Theses (2nd edition). V.46, M.: Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1960. 920 p.
6. Marx K. Selected works in three volumes. V.2. M.: Politizdat, 1979. 670 p.
7. Marx K. Theses (2nd edition). V.3, M.: Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1955. 650 p.
8. Weber M. Selected works. M.: Progress, 1990. 808 p.
9. Touraine A. The Post-Industrial society. Tomorrow's social history: Classes, conflicts and culture in the programmed society. N.Y.: Random house, 1971. 244 p.
10. Castells M. Informative epoch: economy, society and culture. M.: GU VShE,2000. 608 p.
11. Toffler A. Metamorphose of power: Knowledge, welfare and strength on the edge of XX century. M.: INION, 1991. 670 p.
12. Inozemtsev V. Modern post-industrial society: nature, contradictions, perspectives. M.: Logos, 2000. 304 p.
13. Toffler A. The Adaptive Corporation. N.-Y.: McGraw-Hill, 1985. 217 p.